

Он сказал: «Сяо Лин, ты умен и знаешь, как защищаться. Но от одного раза не уберешься на всю жизнь. Тебе стоит смириться пораньше. Когда мое терпение лопнет, тебе будет куда хуже, чем сейчас».

Затем Сяо Лань позвал служанку.

Он удостоил её своей милости прямо в моих покоях, у моей постели. Их соитие длилось всю ночь, и непристойные звуки, словно удары плети, терзали меня до рассвета. После ухода Сяо Ланя я склонился над ложем, и меня вырвало. Он осквернил не только эту служанку — он осквернил моё достоинство. Я рвал, пока мир не потемнел в глазах, а юная служанка, сжавшись голым комочком, дрожала от страха и стыда. Может, мне и следовало пожалеть эту невинную агницу, но я не стал. Будучи императором, я не был милосерден.

Я приказал Шунь Дэ задушить её и сбросить в колодец.

Словно стирая позор, нанесённый мне Сяо Ланем.

После той ночи на Царство Мянью обрушилась свирепая метель, а для меня наступила подлинная стужа.

Воспользовавшись крупными волнениями в императорском городе, Сяо Лань начал постепенно менять состав кабинета министров. Под предлогом расследования заговора он принялся расправляться с несколькими сановниками, преданными моему отцу и мне. Чтобы укрепить трон, ему требовалось устранить влиятельных гражданских чиновников, и первой жертвой пал великий секретарь Ян Цзинь. Я послал тайных стражей предупредить их, вступив с Сяо Ланем в скрытое противоборство. Наблюдатели, направленные Сяо Ланем, несколько раз возвращались ни с чем, не найдя против Ян Цзиня никаких улик. Но я знал: Сяо Лань не отступится. Он тщательно сплетёт сеть, чтобы взвалить на Ян Цзиня вину, а затем одного за другим ввергнет сановников в подземную тюрьму.

Кабинет министров был моей последней оградой. Стоило ему сокрушить их — и я стану черепахой в кувшине.

Я не позволю ему добиться своего. Мои помощники уже прибыли. Как раз когда нежданная метель утихла, императорский город Мяньюцзин встретил высоких гостей, прибывших издалека, — моих двух дядёв и послов из Царства Чи.

Они явились как нельзя кстати, к самому весеннему жертвоприношению. Торжественный обряд проходил у подножия Западных гор в Дворце Чуньсюй. Естественно, как Верховный император, я отправился туда вместе с прочими членами императорского дома. Едва взойшло солнце, меня облачили в тяжёлые парадные одеяния и усадили в колесницу, запряжённую четвёркой скакунов. Свита растянулась на много ли, флейты и барабаны то затихали, то гремели вновь. От этого шума у меня разболелась голова, вздремнуть не удалось. Я откинул оконную занавесь и выглянул наружу.

Сяо Лань стоял на золочёной императорской колеснице, облачённый в тёмно-красные жертвенные одеяния, в головном уборе с двенадцатью подвесками. Его наложницы окружали его, словно звёзды луну, и он наслаждался мгновением всеобщего внимания. Картина эта резанула мне глаза. Я отвел взгляд, устремив его на принцев, что следовали верхом за колесницей. Все они гордо выпрямились, глядя вперёд.

Узкие рукава и стоячий воротник бирюзового халата с вышитым драконом делали сегодняшнего Сяо Ду особенно статным. Его густые чёрные кудри, должно быть, из-за

непослушности, не были убраны в пучок, как у прочих принцев, а лишь перехвачены налобной повязкой, что придавало ему вид юного, дерзкого и дикого, не признающего условностей. Эта статья выделяла его среди четырёх принцев, притягивая множество восхищённых взглядов. Я заметил, что проходившие мимо служанки не могли оторвать от него глаз.

Всё-таки вырос, острота его уже проглядывает.

С таким чувством я наблюдал, как Сяо Ду слегка повернул голову в мою сторону, и кивнул ему в ответ, улыбнувшись.

Но Сяо Ду тут же отвернулся. Эта неучтивость меня несколько задела.

Я опустил занавесь и повернулся к другому окну, всматриваясь в дальние городские ворота.

Не знаю, когда мои дядья явятся на аудиенцию к Сяо Ланю, и смогут ли они помочь мне выпутаться из беды?

Когда жертвоприношение началось, все собрались перед Дворцом Чуньсюй, и я увидел своих дядёв и посольство из Царства Чи. Обряд шёл по древним канонам, церемония была величественной и строгой. Свита била в гонги и барабаны, струнные перекликались с пением. Под чтение верховным жрецом молитв Сяо Лань омыл руки, возжёт благовония и лично вознёс зерно и кровь жертвенных животных в честь Сихэ. Он поднимался по ступеням к алтарю на паперти, а меня, поддерживаемого евнухами, высадили из колесницы — словно дряхлого старика.

По окончании обряда начался грандиозный пир, гости рассаживались по местам. Сяо Лань на этот раз не усадил меня среди сановников, как на прошлом семейном пиру, а выделил отдельное место для Верховного императора — вид создавал самый подходящий.

Я усмехнулся про себя и сел, наблюдая, как в зал входят мои дядья.

Маркиз северо-запада Бай Яньчжи был красив, словно девица, но долгая жизнь на северо-западе сделала его смуглым, отчего женственность сошла на нет, а крепкое сложение воина придавало ему величавый вид. Едва войдя в зал, он внушил трепет всем гражданским и военным сановникам. За ним следовал мой младший дядя Бай Чэнь, которого я никогда прежде не видел. Я изумился его сходству со мной и с моей покойной матерью: те же изящные брови, миндалевидные очи, лицо-лепесток. Будь его кожа чуть светлее, а стань чуть ниже — мог бы сойти за меня.

Сердце моё ёкнуло. Этот младший дядя, возможно, ещё сослужит великую службу.

«Да здравствует император, десять тысяч лет императору!» — Бай Яньчжи и Бай Чэнь почтительно опустились на колени в центре зала. Бай Яньчжи, поднимая голову, скользнул взглядом в мою сторону. Наши взгляды встретились на миг — мы понимали друг друга без слов.

Привезённые им дары были драгоценны и редки, в основном диковинки с северо-запада, невиданные в центральных землях. Следуя этикету, Сяо Лань тут же преподнёс их мне, Верховному императору, в знак почтения. Я ожидал этого и, естественно, принял всё.

После того как сановники расселись, в зал вошло посольство из Царства Чи. Глядя на этих заграничных варваров, которых я некогда так ненавидел, я испытывал смешанные чувства. Если бы несколько лет назад, когда я ещё восседал на троне, они предложили династический

брак — я бы наотрез отказался. Я имел дело с людьми Чи — они алчны, кровожадны, полны амбиций и не способны на искреннюю дружбу с Царством Мянью. Их цель — осуществить то ужасное пророчество, превратиться в Небесного Волка и пожрать солнце Царства Мянью.

Но Сяо Лань был иным. Он спешил укрепить власть внутри и не желал сейчас враждовать с соседями.

Дюжий посол народа Чи, держа в руках волчий череп, подошёл к Сяо Ланю и поклонился. На лице его была бронзовая маска, скрывавшая половину, но я к изумлению своему узнал его по обнажённому плечу.

На плече том зиял безобразный, расщеплённый шрам от стрелы.

Это было моё творение. Мой указательный палец непроизвольно согнулся, будто снова натягивал тетиву.

В ушах моих прозвучал призрачный звон выпущенной стрелы, а тот человек, словно услышав его, поднял голову, и в глазах его мелькнуло изумление. Думаю, и он узнал меня — того юного Сына Неба, что некогда нанёс ему тяжкое ранение.

Он был одним из ближайших сподвижников Ван Усе, короля народа Чи, — военачальник У Дунь.

Вместе с несколькими сундуками богатых даров У Дунь преподнёс невиданной красоты девушку. Её страстный танец и пышное, соблазнительное тело восхитили весь зал. Коверкая язык Мянью, У Дунь объявил Сяо Ланю, что это У Чжу, любимая младшая дочь Ван Усе, и что тот желает выдать её замуж в дальние земли, дабы явить искренность дружбы с Царством Мянью. Сяо Лань согласился на предложенный брак, но не изъявил желаний взять У Чжу в наложницы, а перевёл взгляд на места справа. Я понял: он решал, за кого из принцев выдать девушку.

Я прищурился и, заметив, что лишь рядом с Сяо Ду не сидит ни одной женщины, задумал кое-что. Громко произнёс:

— Ваше величество, пятый принц молод и доблестен, ему уже минуло шестнадцать, и через несколько дней он пройдёт обряд совершеннолетия, после чего сможет взять наложницу и вступить в брак. Как раз принцесса прибыла издалека — почему бы не выдать её за него? Как полагает ваше величество?

Пусть я и Верховный император, но на публике мои слова всё ещё имели вес.

Сяо Лань не ожидал, что я вдруг заговорю, и при всех не мог ослушаться, потому дал согласие.

Едва он это произнёс, я увидел, как изменилось лицо Сяо Ду. У Чжу же, напротив, казалась весьма довольной — возможно, потому что черты Сяо Ду, с его высоким носом и глубоко посаженными глазами, напоминали ей соплеменников, и на чужбине она чувствовала некое родство.

— Ду, чего же ты не встаёшь?

Сяо Ду, сидевший за столиком, сжал кулаки, встал, и лицо его омрачилось — такого мрачного и холодного выражения я у него ещё не видел.

У Чжу плавно подошла к нему, но Сяо Ду оставался бесстрастен, и воздух в зале словно застыл.

Я поднял бокал, намереваясь выручить этого неразумного волчонка, и с улыбкой произнёс:

— Поздравляю пятого принца. Сегодня и впрямь двойная радость. На сердце у меня светло, и я хочу первым выпить за всех присутствующих.

<http://bllate.org/book/15952/1426300>